

УДК 316.334.22(571)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.73>

На изломах трудовой конфликтологии: трудовое право в конце 1920-х гг.

С. А. Красильников

*Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск*

Аннотация. Разработанная в начале 1920-х гг. законодательная основа норм трудового права (КЗОТ в редакции 1922 г. с вносимыми в него изменениями) имела четко выраженный социально ориентированный характер с учетом интересов работников. Под эгидой Наркомата труда сформировалась и действовала система примирительно-третейских органов (расценочно-конфликтные комиссии, примирительные камеры, третейские суды), нацеленная на поиск примирения в ходе возникавших споров между работниками и работодателями. Сфера трудовой конфликтологии динамично развивалась. Складывалась практика договороспособности, при которой напряженность снималась путем нахождения компромиссов и взаимных уступок споривших сторон. Однако начиная с 1928 г. система социально-трудовых отношений подверглась значительной деформации. Резко снижается потенциал профсоюзных структур по защите трудовых прав работников; ограничиваются и свертываются функции органов Наркомата труда как регулятора трудовых отношений; приоритет в решении споров в свою пользу получают хозяйственно-управленческие институты с их директивными установками в сфере экономики. Данная тенденция отчетливо прослеживается в ходе конфликта весной – летом 1929 г. между профсоюзами и правлением «Союззолото» вокруг вопроса о резком повышении цен на продовольствие на приисках Хакасии, когда хозяйственники фактически игнорировали обязательное для исполнения решение третейского суда, вынесенное в пользу работников. Происходит резкое упрощение правоприменения трудового законодательства в интересах реализации модели экономики мобилизационного типа. В этой же логике событий было предопределено снижение роли, а затем и исчезновение в начале 1930-х гг. примирительно-третейских органов в качестве регуляторов трудовых отношений.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, трудовая конфликтология, профсоюзы, примирительно-третейские органы, экономическая политика.

Для цитирования: Красильников С. А. На изломах трудовой конфликтологии: трудовое право в конце 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 26. С. 73–82. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.73>

Правовое поле для регулирования конфликтов в сфере труда является одним из важнейших условий и гарантий позитивного развития социально-трудовых отношений, имеющих принципиальное значение для основ жизнедеятельности социума в целом. Отечественная трудовая конфликтология, выступая органичной частью трудового законодательства, претерпела в XX в. ряд крупных трансформаций, причем далеко не позитивного характера. Ее становление пришлось на период 1920-х гг. на базе норм Кодекса законов о труде (КЗоТ) 1922 г., логичным завершением чего стало принятие 29 августа 1928 г. Постановления ЦИК и СНК СССР «Правила о примирении»

тельно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов»¹, в котором впервые содержалась подробная регламентация основных видов разбирательства трудовых споров – судебного и примирительно-третейского. Первый из них предполагал рассмотрение конфликтов в ходе работы особых (трудовых) сессий народных судов с обязательным надзором над их решениями со стороны прокуратуры (прокурор по трудовым делам). Такого рода дела находились в сфере деятельности органов юстиции. Вторым способом рассмотрения конфликтов между работниками и работодателями выступало внесудебное примирительно-третейское разбирательство, проводившееся созданными для этого специальными органами: расценочно-конфликтными комиссиями (РКК), примирительными камерами (ПК) и третейскими судами (ТС). Все они в своей работе были подведомственны органам Наркомата труда (НКТ)

РКК, будучи низшей инстанцией примирительно-третейского разбирательства, образовывались и работали на постоянной основе на предприятиях и учреждениях, формируясь из равного числа представителей профсоюза и администрации. Здесь рассматривались споры, возникшие на почве толкования и применения законов, коллективных и индивидуальных трудовых договоров в весьма широком диапазоне, по сути вбиравшем в себя все оттенки трудовой повседневности. Две другие инстанции примирительного характера – ПК и ТС не являлись постоянными учреждениями, а формировались при органах НКТ для рассмотрения каждого спора из представителей сторон (профсоюз и администрация). Основной функцией ПК был поиск компромиссов для споривших сторон вокруг заключения и изменения коллективных договоров или правил внутреннего распорядка. Третьей инстанцией примирительно-третейского разбирательства выступали третейские суды, разбиравшие, как правило, наиболее сложные случаи коллективных споров, решение которых не было найдено в ПК. Они организовывались при органах НКТ для решения каждого конкретного конфликта. При отсутствии соглашения между конфликтующими сторонами решение по конфликту выносил суперарбитр, в большинстве случаев – штатный работник органов труда, а решение ТС становилось обязательным для участвовавших в нем сторон.

«Примирительная лестница» для внесудебного разрешения трудовых конфликтов отличалась гибкостью и вариативностью выбора органа, который их рассматривал. Во всех случаях сторонами конфликтов выступали профсоюзы и администрация. Защита работников в случае конфликтов их с администрацией обеспечивалась активной ролью профсоюзов, которые, в отличие от администрации, как правило, выступали инициаторами конфликтного разбирательства.

Вплоть до лета 1928 г. отстроенная примирительно-третейская «лестница» совершенствовалась за счет внесения необходимых дополнений и изменений, продиктованных условиями и потребностями социально-экономического развития страны. Тем не менее назревала необходимость упорядочения сферы трудовой конфликтологии. Это диктовалось не столько причинами, лежавшими в сфере трудового законодательства, сколько факторами экономического и политического характера.

---

¹ Собр. законов СССР. 1928. № 56. Ст. 495.

В то же время область труда как часть экономики начинала испытывать влияние кризисных факторов, которые являлись отражением общей ситуации в стране, связанной с ростом социальной напряженности. Конфликтная динамика на производстве показывала не снижение, а нарастание недовольства работников своим положением, уровнем жизни, оплатой и условиями труда. В стремлении повысить производительность и интенсивность труда хозяйственные органы использовали наиболее простые механизмы, связанные с усилением эксплуатации труда путем повышения норм выработки при снижении расценок за выполняемую работу и пренебрежения условиями труда и уровнем жизни наемных работников.

В сложившихся условиях органы власти оказались перед выбором – либо продолжать традиции трудовой конфликтологии с ее «защитительным уклоном» в пользу работников, либо произвести своего рода ревизию трудового права в сторону редукации норм последнего, что в гораздо большей мере отвечало корпоративным интересам государства – основного работодателя в стране. Уточнение механизмов и технологий работы конфликтных органов, произведенное в правительственном постановлении от 29 августа 1928 г., свидетельствовало о движении в сторону второго пути. Вводилось эшелонирование сферы конфликтного права, где упор делался теперь на нижний уровень конфликтологии, представленный деятельностью РКК и сессиями народных судов по трудовым делам. Сфера полномочий ПК и ТС ограничивалась отныне только сферой споров вокруг заключения или изменения условий коллективных договоров. По сути своей трехступенчатая система внесудебного примирительного урегулирования трудовых споров, оставаясь формально действовавшей, в реальности перестала быть таковой.

1929 год стал своего рода переломным для трудовой конфликтологии. Происходила «сшибка» двух тенденций: с одной стороны, прежняя достаточно четкая профсоюзная линия защиты интересов трудящихся в рамках законодательства (споры об интересах), дававшая право пересмотра отдельных пунктов коллективного договора с возможностью оспаривания в примирительно-третейских органах; с другой стороны, администрация, руководившаяся интересами выполнения директив сверху любыми средствами. Весьма показательным с данных позиций стал возникший в начале 1929 г. конфликт интересов между трудовыми коллективами, входившими в состав объединения «Союззолото», права которых защищал отраслевой профсоюз горнорабочих Сибири, и администрацией хозяйственного органа.

Первоначально это был достаточно рядовой спор, возникавший ежегодно в ходе перезаключения колдоговора и касавшийся таких его пунктов, как размеры ставки 1-го разряда, отчисление на культурно-массовую работу профсоюзов и установление твердых цен на продукты. 9 января 1929 г. спорившие стороны, зафиксировав свои позиции в ходе переговоров, приняли обоюдное решение о передаче несогласованных вопросов на разрешение третейского суда при Сибтруде, согласившись доверить роль суперарбитра в данном споре заведующему Сибтруда Соловьеву¹. Споры о ставках и разме-

---

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1498. Л. 3.

рах отчислений на культмассовую работу не вызывали столь обостренного интереса, каким стал «ценовой вопрос». Вопрос о твердых ценах на основные продукты питания профсоюз поднимал, исходя из практики прежнего договора 1928 г., где таковые были определены, хотя имелся разрыв в ценах для различных приисков в зависимости от их отдаленности¹. Данное требование профсоюз считал «вполне необходимым с тем, чтобы сохранить на достигнутом уровне зарплату работникам»². Администрация «Союззолото» предоставила свои обоснования, опровергая расчеты профсоюза, при этом заявляя, что профсоюз выдвигает завышенные требования, особенно в части установления твердых цен на продукты, и усматривала в этом «скрытую форму увеличения зарплаты, что идет вразрез с существующими директивами»³.

На заседании, состоявшемся 14 января, выступивший в роли суперарбитра заведующий отделом труда Соловьев по первому спорному вопросу вынес решение, удовлетворившее интересы профсоюза, при этом полагал, что фактическая ставка 1-го разряда, от которой зависел заработок всех работавших на приисках рабочих, должна быть такой, чтобы не допустить снижения существующей для них заработной платы. Отчисления на культработу не вызвали претензий у сторон, и здесь суперарбитр зафиксировал согласование позиций⁴. По третьему вопросу (твердые цены на продукты) Соловьев предложил установить дополнительное соглашение, рассмотрев вопрос на местах, но при этом указал на необходимость соблюдения нормы: чтобы цены не превышали себестоимости продуктов по ценам Наркомторга и действительной стоимости их провоза зимним путем. Таким образом, спорные вопросы при заключении нового договора между профсоюзами и трестом на этом этапе в целом разрешились достаточно конструктивно.

Третье рассмотрение привело к устранению возникших взаимных претензий сторон друг к другу, хотя вопрос о регулировании цен на продукты, отложенный решением для более детального его рассмотрения на трех приисковых управлениях (Кузнецком, Абаканском и Красноярском), спустя короткое время привел к новой вспышке конфликта и потребовал нового рассмотрения в рамках третейского разбирательства. В начале апреля 1929 г. профсоюз Абаканского управления «Союззолото» обратился в правление хозоргана с предложением обсудить ситуацию с ценовой политикой, которую проводило объединение на приисках данного региона: даже с учетом государственного повышения цен на различные продукты от 14 до 18 % здесь ценовой скачок оказался превышавшим эти государственные расценки⁵. Проведенная профсоюзными представителями проверка состояния снабжения рабочих золотых приисков выявила типичные нарушения в данной сфере, начиная со ставших регулярными перебоев с поставкой муки и выпечкой хлеба, завоза партий негодного, испорченного мяса, что вызвало недовольство рабочих, и кончая резким подорожанием продуктов с весны

¹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1498. Л. 5–6.

² Там же. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 12 об.

⁵ Там же. Д. 1492. Л. 1–2.

1929 г.¹ Профсоюзы отмечали, что представленная управлением калькуляция включала в себя явно завышенные расходы на доставку товаров. Соответственно, профсоюз предлагал свою калькуляцию в сторону снижения резко возросших цен на продовольствие. Соглашения между двумя сторонами достигнуто не было, при этом «Союззолото» оценило возможные убытки Абаканского управления в случае принятия условий профсоюза суммой в 42 тыс. руб., что должно было привести к повышению себестоимости добычи золота по приискам в 12 коп. на 1 г золота².

12 апреля обе стороны, не достигнув договоренности между собой, решили передать вопрос на разрешение третейского суда. Спор рассматривался 30 апреля в Новосибирске, где в роли третейского судьи выступал от Сибтруда не Соловьев, а его заместитель Бесеневич. Учитывая позиции сторон конфликта, где в представленных ими документах ценовой разрыв по отдельным видам продуктов достигал 20–25 %, Бесеневич, взвесив аргументы обеих сторон, принял единственное в тех условиях компромиссное решение – утвердить для Абаканских приисков твердые цены на продукты, которые находились в середине цифр ценового спора (несколько выше цен, предложенных профсоюзом, и на столько же ниже тех, что предлагало «Союззолото»)³.

В приложенном к решению третейского суда объяснении Бесеневич отметил следующее: «Цены, установленные «Союззолото», оказались непомерно высокими и, несмотря на повышение зарплаты фактически в среднем на 3 %, повлекли за собой снижение фактической заработной платы, что является недопустимым. Главное влияние на повышенность цен оказывали исчисленные «Союззолото» расходы по провозу, при чем в отдельных случаях стоимость его определена в 30 % стоимости самого продукта [...] представитель «Союззолото» правильность исчисления цен, предлагаемых администрацией, никакими данными [...] не обосновал и никаких доказательств того, чтобы «Союззолото» были приняты меры к снижению стоимости провоза не привел. Эти обстоятельства ставят под сомнение данные, представленные «Союззолото»»⁴.

Между тем решение третейского суда, хотя и компромиссное, но в значительной мере вынесенное в пользу профсоюза и вынуждавшее администрацию объединения снизить уже введенные на приисках цены на продукты, было незамедлительно оспорено правлением «Союззолото». Последнее имело правовую основу для обжалования данного решения, обратившись непосредственно в Наркомат труда, приведя свою аргументацию, потребовав, впрочем, при этом назначить в порядке надзора новое разбирательство – уже не в Новосибирске, а в Москве, под эгидой Наркомата труда РСФСР⁵.

14 мая правлением «Союззолото» жалоба была направлена в Наркомат труда. В ней главным аргументом выступал чисто производственный аспект: установление предложенных профсоюзом цен на продукты ниже

¹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1492. Л. 6.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 17–17 об.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 25.

предписанных администрацией наносит удар по производству, повышая себестоимость добытого золота, и «такое требование означает просто механическое повышение реальной заработной платы без пересмотра норм, без повышения производительности труда». Здесь же критиковался сам подход суперарбитра при вынесении решения как «механический»: «Учтена разница между ценами «Союззолото» и предложением Союза, разница разделена пополам, и половина эта прибавлена к ценам Союза». Высокие расходы на доставку продуктов на прииски правление объясняло трудностями зимних гужевых перевозок (кроме найма для этого местных крестьянских подвод, других путей здесь не было)¹.

В жалобе управления «Союззолото» на решение принудительного арбитража в Новосибирске прослеживалась главная цель – подчеркнуть приоритет государственных интересов (добыча золота при увеличении ее масштабов и снижении себестоимости), которые, по мнению правления, и должны были учитываться и другим государственным органом, в частности Наркоматом труда. Однако новосибирский арбитр принял решение компромиссного характера, не встав безоговорочно на сторону хозяйственников, а учтя социальную составляющую конфликта и смягчив по возможности удар, нанесенный бюджетам рабочих семей на приисках. Арбитр справедливо учитывал, что коль скоро потери от скачка цен неизбежны, то тяготы должны быть распределены между обеими сторонами конфликта.

Спор субъектов социально-трудовых отношений (работники и работодатели), хотя и не напрямую касался производственно-экономической деятельности крупной организации (профсоюз представлял интересы почти 1400 работников), а затрагивал бытовую сторону производства (сферу снабжения и питания), но он в весьма рельефной форме являлся «спором интересов», где выявлялись расхождения позиций по ключевому вопросу соотношения экономики и политики. Производственники, отстаивая принцип наращивания производства и снижения его издержек, именно под этим углом зрения смотрели на «рабсилу» как на ресурс, предоставленный в их распоряжение. Между тем рационализация производства и повышение его эффективности требовали адекватного отношения к интересам и потребностям этой самой «рабсилы», весьма чувствительной к ухудшению условий труда, снижению реальной заработной платы, повышению норм эксплуатации работников.

Регулярно проводившиеся профсоюзными органами обследования условий труда, организации производства, социально-бытового и культурного положения рабочих давали более чем убедительную информацию о том, что недостатки и просчеты управленцев, низкий уровень их профессиональной деятельности приводили к куда более негативным для всего производства последствиям, выливающимся в потери и убытки на производстве от нерационального использования имевшейся техники при промывке пород на приисках в десятки тысяч рублей, нежели убытки предприятия от некоторого смягчения цен на продукты. Так, проведенное членом Президиума Сибкрайкома Союза горнорабочих М. Е. Почекуевым в июле 1929 г. обследова-

¹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1492. Л. 31 об. – 32.

дование приисков Абаканского управления «Союззолото» показало, что существовала взаимосвязь организации снабжения для нужд производства и для продовольственного обеспечения работников. По многим позициям наличным рабочим инструментом, инвентарем, одеждой обеспеченность составляла от 10 до 20 % от потребностей производства. То же и в тех же пропорциях происходило с поставками на прииски продовольствия, недостаток которого фактически подстегивал рост цен¹. При этом М. Е. Почекуев достаточно аргументированно, с цифрами на руках, доказывал, что «ненормальности» со снабжением являлись порождением просчетов самого Абаканского приискового управления, которое «затратило все кредиты на снабжение, но не успело зимним путем их [продукты] забросить, при чем эта затрата привела к тому, что два месяца не выплачивали деньги рабочим»².

Между тем постановление третейского суда по «ценовому вопросу» перешло на значительно более высокий, межведомственный уровень, где правление «Союззолото» стремилось приостановить невыгодное для себя решение путем обращений и по сути давления на центральные аппараты Наркомата труда (НКТ СССР и РСФСР). 16 мая 1929 г. в Сибтруд поступила практически в ультимативной форме телеграмма председателя правления А. П. Серебровского с требованием приостановки с последующим пересмотром принятого суперарбитром решения, поскольку оно «затрагивает крупный интерес золотопромышленности»³. Оказавшись в непростом положении (постановление суда уже было отправлено в Абаканское управление для немедленного исполнения), 11 июля 1929 г. руководители НКТ СССР и РСФСР отправили письмо в Сибкрайтруд (с копией для правления «Союззолото») с собственной оценкой действий сибирского органа. В преамбуле указывалось на то, что суперарбитр не учел в необходимой мере ситуацию с ценами на основные продукты на приисках Абаканского района и опирался прежде всего на информацию профсоюзов, не учтя аналогичные (альтернативные) сведения правления хозяйственного органа. Соответственно, полагали руководители НКТ, решение третейского суда, как недостаточно обоснованное, подлежало отмене.

Далее в документе содержалась следующая оценка того, как выйти из сложившейся ситуации: *«Однако, не считая возможным отменять указанное решение Третсуда в силу тактических соображений, так как решение суда уже проведено в жизнь (выделено нами. – С. К.), НКТ СССР и РСФСР находят необходимым указать Сибирскому Краевому Отделу Труда, что в случае возникновения аналогичных конфликтов в других регионах – решение Третейского суда по Абаканскому району не должно служить основанием для принятия таких же решений по другим районам»*. Завершался документ объявлением заведующему краевому отделу труда взыскания, хотя и в мягкой форме («поставлено на вид»)⁴.

---

¹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1492. Л. 48 об. – 49.

² Там же. Л. 49 об.

³ Там же. Л. 79–80.

⁴ Там же. Л. 67–67 об.

Из последующей межведомственной переписки уже между руководством Сибтруда и «Союззолото» следовало, что хозяйственный орган попросту саботировал судебное решение. 16 августа 1929 г. (через три с половиной месяца после вынесения решения третейским судом) Сибтруд уведомлял правление «Союззолото» о том, что, по информации профсоюзов, Абаканское приисковое управление никак не отреагировало на данное постановление о «твердых ценах». В арсенале средств воздействия на хозорган Сибтруду оставалось лишь предложить хозоргану «немедленно выполнять решение Третсуда»¹.

Очевидно, впрочем, что к осени 1929 г. данный конфликт между хозяйственниками и профсоюзом вокруг «твердых цен» на продовольствие не мог быть решен даже тем компромиссным путем арбитража, предложенным Сибтрудом. По данным статистики Сибкрайплана, бюджетный индекс, включавший цены на основные предметы питания, с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. вырос от 100 до 131,5 %, т. е. почти на треть. За этот же период рост среднемесячного заработка рабочих, занятых в добывающих отраслях промышленности Сибири, составил всего 5,9 %².

Рассмотренный выше конфликт между рабочими и администрацией в сфере золотопромышленности весной – летом 1929 г. был проявлением и результатом всей системы социально-трудовых отношений в данной отрасли, где накопился к этому времени значительный потенциал социальной напряженности. О формах проявления и динамике последней свидетельствовала докладная записка ПП ОГПУ по Сибкраю «О состоянии производства и политнастроениях рабочих золотой промышленности Сибкрая» по состоянию на 15 июля 1929 г.³ В соответствии с целеполаганием ее создателей (фиксация и оценка негативных явлений) среди выделенной группы факторов, отрицательно влиявших на производство и настроение рабочих, чекисты в качестве главных причин негативных явлений указывали «массовые факты серьезных злоупотреблений и бесхозяйственности со стороны административно-технического персонала приисков», «еще большее ухудшение жилищно-бытовых условий жизни рабочих по ряду приисков», перебои со снабжением, задержку выплаты зарплаты. Так, по Саралинским приискам (Абаканское управление) за первое полугодие 1928/29 г. добыча золота составила лишь 37 % от годового плана, а себестоимость 1 грамма золота вместо расчетной в 1 руб. 54 коп составила 4 руб. Среди основных причин сложившейся ситуации назывались прежде всего нереальность принятого на этот год промфинплана, наличие крупных просчетов в самом производственном процессе по вине прежде всего адмтехперсонала, а также «значительная текучесть рабочего состава и недостаток квалифицированных рабочих в связи с наличием исключительно тяжелых жилищно-бытовых условий и перебоев со снабжением на приисках. По Саралинским приискам за истекшие полгода сменилось 47 % рабочих, при чем по отдельным рудникам текучесть рабочих доходит до 100 %»⁴.

¹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1492. Л. 70.

² Сибирский край : стат. справ. Новосибирск, 1930. С. 362, 386.

³ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2. Д. 12. Л. 292–298.

⁴ Там же. Л. 292 об.

В докладной записке приводились факты непроизводительных затрат, в частности просчетов при подготовке площадей для гидравлических работ, которые по своим масштабам значительно превосходили те суммы, которые, как полагали представители «Союззолото» в конфликте с профсоюзом из-за цен на продовольствие, должны были бы привести к убыткам в сумме 42 тыс. руб. (так, только на одном из приисков в Кузнецком округе ввиду ошибочных расчетов вырытые для гидравлических установок канавы оказались непригодными, убыток составил 60 тыс. руб.)¹. В докладной записке указывались конкретные случаи не только дороговизны продуктов или их отсутствия продолжительное время, но и факты массовой их порчи из-за несоблюдения условий их перевозки и хранения (на одном из рудников «по халатности» торговых работников испорчено 1,5 т мяса, на другом почти 1 т сала, на третьем – 0,2 т рыбы). Естественно, что на фоне повсеместной бесхозяйственности происходили перебои с выдачей рабочим заработной платы, задержки которой начинали измеряться на приисках в два месяца и более. Недовольство рабочих своим экономическим положением грозило стихийными протестами, забастовками. На одном из приисков Саралы в июне в течение трех дней бастовала артель плотников (16 чел.), недовольных некоторым снижением заработка, происшедшим из-за просчетов тарифно-нормировочного бюро. «Ошибка» после коллективного протеста была устранена, но случившееся демонстрировало возраставшее социальное напряжение в приисковых коллективах, которое чекисты в своей терминологии оценивали как нарастание «ненормальности» и враждебности рабочих к административному и техническому персоналу на местах².

Социальная конфликтность, не находившая разрешения с учетом интересов и потребностей конфликтовавших сторон, неизбежно ослабляла позиции каждой из них. В рассмотренном выше конфликте между работниками и работодателями в сфере золотопромышленности Сибири, механизмы примирительно-третейского законодательства призваны были если не снять причины, вызвавшие ценовой спор о продуктах, то найти компромиссное решение этой проблемы, переставали действовать из-за нарастающего нигилизма хозяйственников и их убеждения в том, что показатели «промфинплана» должны стоять выше социальных прав работников, закрепленных в разделе 4 КЗОТ (в редакции 1922 г.) об основах заключения коллективных договоров, согласно которым не допускалось ухудшения положения работников по сравнению с уже имеющимся. В данном случае третейский судья при рассмотрении конфликтной ситуации о ценах («спор об интересах») придерживался именно принципа закона, не случайно заявив при объяснении своего решения, что позиция правления «Союззолото» в данном случае ведет к снижению реальной заработной платы рабочих, а это «является недопустимым»³. Игнорирование правлением «Союззолото» решения третейского суда, которое по трудовому законодательству оно обязано было исполнять, стало индикатором наступления «новой эры», эры последовательной ликвидации основ действовавшей трудовой конфликтологии.

¹ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2. Д. 12. Л. 293.

² Там же. Л. 296 об. – 297.

³ Там же. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1492. Л. 78.

At the Changing Point of Labour Conflictology: Labour Relations Law in the Late 1920s

S. A. Krasilnikov

Institute of History SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk

Abstract. Legislative basis of the norms of the employment and labour laws was developed in the early 1920s (the Labour Code as in force in 1922 including later amendments) and had a clear socially-oriented nature for the benefit of working class. Under the auspices of the People's Commissariat of Labour, a system of conciliatory and arbitral bodies (rates and disputes commissions, courts of conciliation, courts of arbitration) was put in place and acted to seek reconciliation in the course of disputes between employees and employers. The field of labour conflict management developed dynamically. Newly formed practice of negotiability ensured the tension was removed by finding compromises and mutual concessions from the parties in dispute. However, since 1928 the system of social and labour relations has met with considerable deformation. The potential of trade union structures to protect workers' labour rights decreases sharply; the functions of the Labour Commissariat as a regulator of labour relations are limited and curtailed; priority in resolving disputes for their own benefit is obtained by economic and management institutions with their directive goals in the sphere of economy. This specific tendency is pronounced during the conflict in the spring and summer of 1929 between the trade unions and the board of Soyuzzoloto concerning surge in food prices at the gold-mines of Khakassia, when business executives in fact ignored the obligatory arbitrate award in favour of the employees by the court of arbitration. There is dramatic simplification of the enforcement of labour legislation in the interests of implementing a model of mobilization-type economy. The same logic of events predetermines loss of significance and later disappearance of conciliatory-arbitration bodies in the early 1930s as regulators of labour relations.

Keywords: social and labour relations, labour conflictology, trade unions conciliatory and arbitral authority, economic policy.

For citation: Krasilnikov S.A. At the Changing Point of Labour Conflictology: Labour Relations Law in the Late 1920s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, vol. 26, pp. 73-82. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.73> (in Russian)

Красильников Сергей Александрович
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник, сектор истории
социально-экономического развития
Институт истории СО РАН
профессор, кафедра отечественной
истории
Новосибирский государственный
университет
Россия, 630090, г. Новосибирск,
ул. Николаева, 8
тел.: 8(383) 330-13-49
e-mail : krass49@gmail.com

Krasilnikov Sergey Aleksandrovich
Doctor of Sciences (History), Leading
Research Scientist, Department of the History
of Social and Economic Development
Institute of History SB RAS
Professor, Department of National History
Novosibirsk State University
8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090,
Russian Federation
tel.: 8(383) 330-13-49
e-mail : krass49@gmail.com